

Чжоу-Сяньчжан внимательно разглядывал ровный срез на шее – чистый, аккуратный, будто отсечённый легчайшим движением невероятно острого клинка. Плоть и кости были рассечены так ровно, словно бумага. Точно такие же следы он видел два месяца назад на головах, внезапно появившихся у городских ворот – десятки отрубленных голов, торчащих из седел лошадей.

Взглянув на лица, он узнал их – это были знаменитые воины из племени Хулудань, прославившиеся своей свирепостью. Он встречался с ними два года назад, когда тысячник Ли вёл войска против них. Тогда битва закончилась вничью, и стороны решили заключить перемирие. Чжоу-Сяньчжан лично участвовал в обмене заложниками. Он до сих пор помнит злобные взгляды этих людей.

Чжоу-Сяньчжан почувствовал, как по спине пробежал холодок. Один из ямыней поспешил прикрыть головы тканью:

– Зачем ваша честь утруждает себя осмотром этих омерзительных вещей? Позвольте нам, мелким служакам, разобраться с ними.

Чжоу-Сяньчжан махнул рукой, позволив унести головы.

В его уме возник вопрос: Неужели в этом мире действительно существуют люди, в равной степени одарённые и в гражданских, и в военных делах?

Какой человек мог одновременно изобрести оспопрививание, спасающее Чжумин от смертельной болезни, сдать все шесть уровней экзаменов с высшими баллами и овладеть боевыми искусствами настолько, чтобы одним ударом убивать закалённых в битвах кочевников?

Чжоу-Сяньчжан подумал о Цю Ибо. Этот малоактивный начальник области всегда появлялся в расслабленном виде, окружённый свитой. Даже когда его одежда была небрежно накинута, в нём чувствовалась отстранённая, холодная аристократичность. Верить, что Цю Ибо – учёный, было легко. Но поверить, что он ещё и непревзойдённый боец? Нет. Или, точнее, не хотелось верить.

Он медленно выдохнул. Ладно, если небо упадёт, его подхватят высокие. Моя задача – следить за своим клочком земли.

С наступлением нового года на границе участились набеги кочевников. Цю Ибо и Бо'Эр, казалось, увлеклись рыбалкой. Вот только рыбы они приносили мало, зато голов – предостаточно. Вскоре городские стены украсились жутковатыми «украшениями».

Бо'Эр уже устал от этих выходов. Они не любили убивать. Более того, ни одна из этих смертей не была вызвана их инициативой. Всё сводилось к тому, что двое богатых молодых господ отправились на прогулку, были приняты за лёгкую добычу и вынуждены были защищаться.

А то, что они не взяли охрану или не переоделись в простую одежду... Ну и что? Они имели право одеваться как хотят и решать, нужна ли им охрана. Это не давало другим права нападать на них только из-за их внешнего вида или отсутствия видимой угрозы.

В тот день на стенах появилось ещё несколько «украшений». Цю Ибо вздохнул:

– Уже весна, а кочевники всё ещё грабят. Разве им не нужно пасти скот?

- Возможно, они вышли ещё в разгар зимы, - лениво поигрывая пальцами Цю Ибо, ответил Бо'Эр. - Осенью, скорее всего, начнётся война.

Несколько лет подряд Чжумин страдал от экстремальных погодных условий, но степи не были лучше. Теперь, с приходом весны, кочевники всё ещё шли сюда. Всё было очевидно.

- Угу, - Цю Ибо почувствовал щекотку и перехватил запястье Бо'Эра, заключив его руку в своей ладони. - Управляющие торговыми караванами тоже докладывали, что в этом году чуть не были ограблены первым же встреченным племенем.

Раньше торговые караваны встречали в степи если не с распростёртыми объятиями, то хотя бы с уважением. Ведь немногие купцы предлагали разумные цены и качественные товары. Фактически, товары, которые поставлял Цю Ибо, позволяли племени обменять годовой прирост скота на годовой запас продовольствия.

- Посмотрим... - вздохнул Бо'Эр.

И действительно, едва прошла середина лета, как кочевники начали собираться у границ Чжумина. Цю Ибо ещё весной отправил в Яньцзин донесение с предупреждением о возможной войне, и Чжумин быстро отреагировал. Вот только из-за расстояния подкрепление могло прибыть в Лунцюаньфу лишь через три дня.

- Просто никто не ожидал, что они начнут действовать сразу после лета. Обычно в это время кочевники заняты последним сбором травы - когда им воевать?

Цю Ибо не появился лично, а просто передал приказ тысячнику Ли встретить доставленное оружие. Тот увидел странные стальные повозки, украшенные алыми шарами и парой свитков. На левом было написано: «Грохнет пушка», на правом - «Большая удача». Тысячник Ли был озадачен, но сопровождавшие повозки мастера подробно объяснили, как ими пользоваться.

Северные кочевники не выдержали и десяти залпов. В их глазах это был гнев Небесного Отца, ниспосланный на них. Ещё до прибытия подкрепления они отступили и сдались.

Когда вспомогательная армия во главе с герцогом Фуго прибыла, она не застала Цю Ибо, встречающего их у ворот. Но герцог даже не рассердился. Узнав, что Цю Ибо отбил нашествие кочевников без единой потери (ну, почти - двое солдат сломали рёбра из-за отдачи орудия), он был потрясён.

«Итальянскую пушку» в итоге переименовали в «Повозку Божественной Грозы». Цю Ибо постеснялся оставить оригинальное название - после этой битвы оружие точно стало бы известным, и мысль о всей стране, обсуждающей «итальянские пушки», была пугающей. Бо'Эр тихо хихикал рядом, заранее зная, что Цю Ибо смутится.

- А где начальник области Цю? - поинтересовался герцог Фуго.

Чжоу-Сяньчжан почтительно сложил руки:

- У начальника области... есть неотложные дела.

На самом деле, оригинальная фраза была: «Последние дни ветер хорош, начальник области с другом отправились покорять заснеженные горы. Все дела по-прежнему передавайте господину Вэню».

- Какие ещё дела?! - герцог взглянул на «Повозку Божественной Грозы» и махнул рукой. - Ладно, ладно. Он же небожитель, спустившийся в мир смертных. Естественно, что нам, простым людям, он не удостоит личной встречи. Кстати, что сказал Цю Суйсин? Эти повозки теперь мои?

Вэнь Жун поклонился:

- Так точно.

- Отлично. - Герцог Фуго понимал, что спорить с Цю Ибо бесполезно. Даже если бы он сегодня попытался устроить ему выговор, завтра Цю Ланьхэ уже подал бы на него жалобу. Министерства финансов и военных теперь под их контролем, а армии всё ещё нужно кормить!

Хотя, если задуматься, Цю Ланьхэ, хоть и раздражал, был невероятно компетентен. С тех пор как он полностью взял под контроль финансы и военные дела, жизнь солдат значительно улучшилась. Непонятно, откуда у него столько советников, но они придумали плетёные доспехи, лёгкие и прочные, как металл, нашли питательные и долгохранящиеся зерновые культуры, разработали странные лекарства... Раньше даже небольшое ранение могло привести к заражению и смерти, а теперь с этими лекарствами солдаты выздоравливали за пару дней.

Большинство при дворе догадывались: если бы Цю Ланьхэ имел всё это раньше, он бы уже давно использовал. Скорее всего, заслуга принадлежала Цю Ибо. Говорили, что у того под Яньцзином была исследовательская академия, куда невозможно было попасть без особого разрешения. Там собирались лучшие умы со всей страны, работая над изобретениями для Цю Ибо.

Герцог Фуго не мог сердиться на отсутствие Цю Ибо. Он пользовался его изобретениями, ел его провизию. Если тот действительно небожитель, то чего ожидать? Разве небожители когда-либо сами приходили к смертным? Нет, это смертные ходят в храмы молиться им!

Да и даже если Цю Ибо не небожитель, он всё равно был тем, кто перед отъездом прихватил с собой семейную «Железную грамоту» и «Меч Шанфан». Если бы он вдруг достал их, герцогу пришлось бы пасть на колени. А после этого какой уж тут гнев? Ругаться, стоя на коленях?

Лучше не рисковать.

Герцог Фуго в этой поездке чувствовал себя как на пикнике. Но раз уж армия прибыла, он решил не терять времени и прочесал окрестности Лунцюаньфу, разгромив несколько шаек разбойников - для тренировки. После этого он вернулся в столицу.

«Повозка Божественной Грозы» вызвала в Яньцзине бурю. Никто не верил, что такая маленькая штука могла за десять выстрелов обратить в бегство армию кочевников. Но после демонстрации на окраине города все замолчали.

- Неужели Цю Ибо и правда небожитель? Разве такое может создать обычный человек?

Даже если это оружие просто пылилось бы на складах, его одного хватило бы, чтобы десятилетиями держать в страхе соседние страны.

Цю Ланьхэ получил письмо от Цю Ибо, прочитал его и, немного подумав, отправился во дворец к императору Чжэ.

- Что, пришёл выпрашивать награду для этого бесенка? - спросил император.

Хотя император был на десять лет младше Цю Ланьхэ, сейчас они выглядели ровесниками. На висках императора уже серебрилась седина, а его некогда резкие манеры смягчились, став почти дружелюбными.

- Действительно, такая заслуга заслуживает награды. Не отметить её было бы несправедливо.

Хотя бы сдержать его немного...

Цю Ибо он хотел оставить для наследника - чтобы у того была возможность проявить милость. Если награждать его снова и снова, то к моменту восшествия наследника на престол просто не останется ничего, чем можно было бы его одарить. А это опасно. Ради будущего Чжумина он готов был остаться в истории как правитель, не умевший использовать таланты.

- Если ваше величество желает, можно наградить его серебром, - мягко сказал Цю Ланьхэ. - Его исследовательская академия пожирает деньги с пугающей скоростью. Иногда даже мне становится не по себе.

Бо'Эр... Высокие титулы и посты? Скорее всего, ему нужны только деньги. Цю Ланьхэ видел его перед отъездом в Лунцюаньфу. Хоть он и казался нормальным, но если бы он действительно преодолел испытание, разве не вернулся бы он уже в мир бессмертных? Цю Ланьхэ боялся нагружать его ещё больше. Отправка в Лунцюаньфу была именно для того, чтобы дать ему выпустить пар.

Они обменялись взглядами, и между ними установилось странное взаимопонимание. Оба сменили тему.

- Я пришёл по важному делу, - сказал Цю Ланьхэ.

- Разве между нами могут быть церемонии? - император жестом предложил ему сесть. - Садись. Я приказал сохранить для тебя «Большой красный халат» - специально ждал твоего визита.

- Благодарю ваше величество. - Цю Ланьхэ сел и отхлебнул из чашки. - Действительно превосходно. Ваше величество, я хочу отправить оспопрививание племенам Северных кочевников и стране Фэньюань.

После нескольких лет распространения в Чжумине не осталось следов оспы. Все младенцы по достижении полугода получали прививку. Было жаль, если бы такая технология использовалась только одной страной.

Цю Ланьхэ вынашивал эту идею уже несколько лет, но только сейчас настал подходящий момент.

Император задумался. «Отправить» не означало «отдать даром». Метод оспопрививания был прост - даже деревенские лекари в Чжумине умели его применять. Рано или поздно он всё равно распространился бы. Для соседних стран можно было просто передать рецепт. Для более дальних - продавать готовый препарат. А для тех, с кем не хотелось ссориться...

Император тихо усмехнулся:

- Ты прав, время пришло... В таком случае, откроем приграничные рынки на постоянной основе.

Цю Ланьхэ кивнул. Их взгляды встретились, и многолетнее взаимопонимание позволило им обойтись без лишних слов. Так, в этой беседе, был утверждён план расширения границ Чжумина. Если небеса будут благосклонны и не обрушат на страну новые бедствия, через несколько лет название «Северные кочевники» исчезнет с карты.

Они улыбнулись друг другу.

(Примечание автора относится к следующей главе)

Примечание автора:

Прошло три года, и срок службы Цю Ибо подошёл к концу. Он мог вернуться в столицу для нового назначения. Бо'Эр отправился с ним. По правилам, они могли выехать не раньше чем за месяц до окончания срока, но они не спешили. Они подали прошение об отпуске во время новогоднего приёма и неспешно отправились в путь, наслаждаясь путешествием и делая только то, что им нравилось.

Так, путешествуя почти полгода, они добрались до Яньцзина лишь к следующей зиме. Только они сменили экипаж, как в карете увидели двух людей, которых никак не ожидали там встретить.

Увидев сидящих в карете мужчину и женщину, они не смогли сдержать улыбок и хором воскликнули:

- Старший брат, сестра Лу, вы вернулись? Когда прибыли?

В карете их ждали Цю Хуайли и Цю Лули, оба в униформе Линсяо. Они выглядели уставшими, хотя и не запыханными. Цю Лули, держа в руках складной веер, ткнула им в руку Цю Ибо:

- Только что. Даже домой ещё не заглянули!

Мяньхэ и Вэнь Жун, услышав в карете посторонние голоса, перепугались, но Цю Ибо тут же приказал:

- В родовое поместье.

Они переглянулись и дружно ответили:

- Слушаем.

Цю Лули сияла живостью и лёгкой надменностью. Она щёлкнула пальцами, создав звуконепроницаемый барьер, и, оглядев Цю Ибо и Бо'Эра, насмешливо заметила:

- А По и Нун совсем вошли во вкус чиновничьей жизни, да?

Цю Хуайли тоже их разглядывал и многозначительно добавил:

- Я тоже так думаю. Не виделись всего пять-шесть лет, но, если бы не знакомые лица, я бы вас не узнал.

Они говорили искренне. Если бы не неизменная внешность Цю Ибо, они бы решили, что сели не в ту карету. Теперь Цю Ибо... было сложно описать. Как если бы жемчуг превратился в гальку, или наоборот. Он выглядел как обычный человек, но в то же время в нём было что-то необычное. Стал ли он лучше или хуже - они не могли сказать.

Бо'Эр развёл руками с видом «хоть варите меня – мне всё равно»:

- Смейтесь, смейтесь. Подождём, пока вы сами попадёте в тупик, тогда я посмеюсь над вами.

Цю Хуайли покачал головой:

- Неужели всё так серьёзно?

- Угу, - кивнул Цю Ибо, улыбаясь. - Когда сами столкнётесь, поймёте.

Цю Лули закатила глаза:

- А вы разве не должны желать нам не сталкиваться с этим?! Хватит говорить такие невесёлые вещи!

Цю Ибо поддразнил её:

- Разве от того, что я не скажу, оно не придёт? Лучше пожелать вам благополучно преодолеть испытание. Хотя отец говорил, что это зависит от человека. Возможно, для меня оно было тяжёлым, а для вас окажется лёгким.

Он добавил:

- Как вы нашли мою карету? Разве могли её опознать?

Цю Хуайли ответил:

- Не совсем. Но родовой герб мы узнали. Мы летели на мечях и, попав в город, немного растерялись. Увидели герб и подумали...

- Что забыли, как пройти домой, но стеснялись спросить у прохожих, - прямо перебила его Цю Лули.

Цю Хуайли замолчал.

Не его вина, что в детстве их редко выпускали из дома, а если и выпускали, то только в каретах. Всё время уходило на учёбу. То, что он хотя бы помнил, на какой улице их дом, уже говорило о хорошей памяти!

Цю Ибо захихикал, прислонившись к стенке кареты:

- Всё равно лучше, чем у меня!

По крайней мере, они догадались тайно войти в город, иначе их, как и его когда-то, отвели бы в управление Интяньфу ждать, пока за ними придут.

Цю Хуайли и Цю Лули тоже рассмеялись. Видимо, возвращение домой у всех сопровождалось забавными историями. В следующий раз они просто прилетят прямо в семейный сад – уж его-то не перепутаешь!

В саду рос тысячелетний гинкго, не то чтобы огромный, но весьма примечательный.

Закончив смеяться, Цю Ибо спросил:

- Старший брат, сестра Лу, только вы двое вернулись? А десятый брат и одиннадцатая сестра?
- Нинли отправилась странствовать, сейчас с ней не связаться, – лицо Цю Хуайли на мгновение стало холодным. – А десятый брат... не захотел возвращаться.

Цю Лули тоже нахмурилась при упоминании Цю Цили:

- По, ты не представляешь! Перед отъездом мы специально заехали в Тайсюэмэнь, чтобы забрать его с собой. Если бы он был занят, хотя бы передали бы весточку. Но он начал ёрничать, то про «плохие духовные корни», то про «трудную жизнь в секте», то про «нельзя просто так уйти»...
- Мы даже подумали, что ему правда плохо, и тайно наблюдали за ним пару дней. Оказалось, всё у него хорошо. Просто он сам себя накручивает, жалуется на жизнь и думает, что все против него.

Цю Ибо задумался:

- Может, проблема в фэншуй Тайсюэмэнь? Всё-таки с таким Чжэньцзюнем, как Цзиньхун, трудно ожидать хорошего фэншуя.

Он говорил про фэншуй, но имел в виду атмосферу.

Цю Лули фыркнула:

- Цзиньхун – это Цзиньхун, а десятый брат учится у Фэйюань-Чжэньцзюня. Какое отношение Цзиньхун имеет к нему? У них не как у нас – каждый практикуется в своей пещере. Конечно, совсем без тренировок не обходится, но неужели последователи Цзиньхуна настолько бездельничают, чтобы каждый день ходить и задира́ть учеников Фэйюаня?

В конце концов, Фэйюань-Чжэньцзюнь жив-здоров, у него не один ученик. Разве он позволит, чтобы его учеников унижали?

Если Фэйюань и старшие ученики действительно не обращали внимания, значит, обидчики были того же уровня, что и Цю Цили. И если он всё равно продолжал терпеть, то лучше бы ему сразу сменить имя на «Адоу»[1].

Цю Хуайли сказал:

- Хватит.

Но в его голосе не было неодобрения. Видимо, он тоже считал, что Цю Лули права.

Та надула губы, явно разочарованная тем, как её двоюродный брат изменился в Тайсюэмэнь.

Цю Ибо постучал веером по подбородку:

- Значит, проблема не в Тайсюэмэнь. Нужно как-то вытащить десятого брата оттуда...

Цю Хуайли горько усмехнулся:

- Похоже, придётся просить помощи у предков.

Цю Ибо кивнул:

- Позже я напишу отцу и третьему дяде...

Он сменил тему:

- Кстати, поздравляю старшего брата и сестру Лу с достижением поздней стадии Золотого Корабля! Сестра Лу, кажется, уже была на средней стадии? А ты, старший брат, как сразу на позднюю перешёл?

Цю Хуайли ответил:

- Сам не понял. Как-то незаметно поднялся до поздней стадии. Даже удивился.

Они продолжили болтать о делах в секте, но ничего значительного не произошло. Для мира культивации семь лет – мгновение. Большинство тех, кто прорывался на Небесном Рейтинге, всё ещё были в затворе. Например, Вэнь Игуан, достигший Первородного Духа во время боя, только недавно закончил лечение и снова ушёл в затвор – надолго.

Приехав в родовое поместье, они вышли из кареты – двое вошли, четверо вышли, включая юную девушку. Вэнь Жун и Мянхэ сделали вид, что ничего не заметили, опустив глаза.

О приезде Цю Ибо заранее предупредили, и ворота распахнулись перед ними. Вдруг одна из служанок вскрикнула:

- Двенадцатая госпожа?!

Цю Лули обернулась. Двадцать лет пролетели быстро, но не все обладали «ранней мудростью» Цю Ибо. Когда она уезжала, ей было всего десять, и многих она уже плохо помнила. Присмотревшись, она узнала в старушке знакомые черты и неуверенно спросила:

- Няня Мяо?

Та застыла, разглядывая Цю Лули, и только когда другая служанка дёрнула её за рукав, очнулась и поспешно вытерла слёзы платком:

- Эта старая глупая рабыня забылась. Госпожа, вы наконец вернулись.

Няня Мяо была кормилицей Цю Лули, и их связь была особенной. Стараясь успокоиться, она всхлипывала:

- Госпожа... идите скорее внутрь. Госпожа все эти годы всё вспоминала вас. И господин тоже...

- Сейчас, - Цю Лули кивнула, подхватила подол и побежала внутрь. Непонятно почему, но если в карете она ещё могла шутить с Цю Ибо, то, переступив порог дома, будто потеряла терпение.

Цю Ибо сказал:

- Няня Мяо, иди с ней. Двенадцатая сестра давно не была дома, многих не узнает.

- Слушаю! - Няня Мяо поспешно поклонилась Цю Ибо и бросилась вдогонку.

Цю Хуайли покачал головой с улыбкой, но Цю Ибо подтолкнул его в спину:

- Брат, хватит терпеть. Иди быстрее.

Тот улыбнулся и направился во внутренние покои. Слуги, не знавшие его, заколебались, но Цю Ибо распорядился:

- Восьмой господин и двенадцатая госпожа вернулись из путешествия. Оповестите весь дом. Пусть кухня приготовит сегодня что-нибудь вкус...

- Вкусное что? - вдруг раздался знакомый голос.

Цю Ибо инстинктивно обернулся и увидел Цю Линьхуая и Цю Линьюя, спокойно переступающих порог. Он не скрывал радости:

- Отец? Третий дядя?! Как вы здесь оказались? Что-то случилось?

Бо'Эр тоже обрадовался.

Цю Линьюй взглянул на Цю Ибо и Бо'Эра, заметив в их облике признаки прорыва, и с облегчением усмехнулся:

- А что, нам что, нельзя просто так домой приехать?

- Я не это имел в виду, - Цю Ибо невольно улыбнулся. - Я думал, в ближайшие годы мы не увидимся.

Цю Линьюй хотел что-то сказать, но Цю Линьхуай прервал его:

- Пойдёмте внутрь.

- Хорошо.

Возвращение двух предков, двух культиваторов и «младшего предка» в один день потрясло весь дом. Цю Ибо и другие понимали, что сегодня у дядь и тёток будет много вопросов к Цю Хуайли и Цю Нинли, и не хотели мешать. Они направились в покои Цю Линьхуая - если нельзя беспокоить братьев и сестёр, то родного отца можно.

Но не успели они дойти, как слуги нашли их, сказав, что господа ждут их в главном зале. Цю Ибо свернул туда и увидел шумное собрание. Все, кто мог, вернулись в поместье, включая Цю Ланьхэ. Огромный зал расчистили, установив «Извивающийся поток с кубками», и все говорили, не соблюдая обычного правила «за едой - молчание».

Повсюду висели красные фонари и огромные иероглифы «двойное счастье» - казалось, сегодня кто-то справлял свадьбу.

- Девятнадцатый, двадцатый, наконец-то, - улыбнулся Цю Ланьси, сидевший сбоку. - Все вас ждут.

Он спросил:

- Двадцатый, всё хорошо? Должно быть, да.

Бо'Эр ответил:

- Дядя, у меня всё отлично. Много где побывал.

Цю Ибо поинтересовался:

- Почему сегодня решили устроить такой пир?

Цю Ланьхэ усмехнулся. За несколько лет на его висках тоже появилась седина. Узнав о возвращении Цю Ибо и Бо'Эра, он, конечно, приехал повидаться:

- А всё потому, что некий юноша когда-то требовал устроить трёхдневный пир в честь шести высших баллов на экзаменах. Хоть и с опозданием, но устроим его дома, а то потом скажут, что я своё слово не сдержал.

Цю Ибо покраснел. Одно дело - самому говорить такое, другое - когда при всех напоминают. Конечно, это не сравнится с тем, как родители рассказывают, как ты в детстве ковырял в носу и размазывал по мебели, но всё равно неловко:

- Дядя, ты до сих пор помнишь? Я же пошутил...

Бо'Эр приподнял бровь:

- Это что ещё за история?

Цю Ибо понизил голос:

- Должны были устроить тогда, но началась эпидемия оспы, и не получилось.

Цю Линьхуай мягко улыбнулся:

- Ладно, садитесь.

Цю Ибо сел среди ровесников. Цю Хуайли улыбнулся:

- Так вот как ты без лишнего шума получил шесть высших баллов. Почему раньше мне с Лули не рассказал?

- Давно было, я просто сдал... - смутился Цю Ибо.

Услышав это, сёстры лишь улыбнулись - им не нужно было сдавать экзамены. Остальные, кому это предстояло, только вздохнули. Шестой брат, Цю Линьли, покачал головой:

- Хоть немного бы мне этой «простоты»! Хоть бы на «третьего учёного» хватило...

Цю Линьли был позором семьи - единственный, кто трижды провалился на провинциальных экзаменах. Он и не стремился к чиновничьей карьере, но когда у всех есть звание, а у тебя нет, чувствуешь себя неудачником. Сейчас он владел несколькими ткацкими мастерскими в Яньцзине. Начав с тысячи лянов серебра (и скрывая своё происхождение), всего за десять лет он добился права участвовать в конкурсе на звание императорского поставщика.

Цю Ибо скромно улыбнулся, ненароком похваставшись. Ощущения?.. Приятные!

Ни капли угрызений совести.

Все рассмеялись.

Присутствующие знали, что Цю Ибо и другие ушли в культивацию, но раньше не было возможности спросить. Теперь, когда все собрались, братья и сёстры не удержались и начали расспрашивать:

- А в культивации можно летать?

- Можно, но медленно. Лучше летать на мечях или лодках.

- Восьмой брат, ты умеешь варить эликсиры? Те, что нам давали, - твои?

Цю Хуайли почесал нос:

- Нет, часть куплена, часть сделана девятнадцатым.

- А ты не умеешь?

Цю Хуайли, который на уроках алхимии взрывал котлы, на уроках ремесла - горшки, а на уроках талисманов - бумагу, мягко ответил:

- Не умею.

Все невольно поёжились и больше не спрашивали.

Одна из младших сестёр спросила Цю Лули:

- А чему вообще учат в культивации? Я слышала от тётушки, что По на горе учился кузнечному делу и кладке стен?

Бо'Эр:

- Ну, не совсем...

Цю Лули замерла, затем ткнула пальцем в Цю Ибо и расхохоталась:

- Точно, По большую часть времени учился кузнечному делу! Я не такая, я училась фехтованию!

- О! Двенадцатая сестра, а как твои успехи? Как в романах: серебряное седло, белый конь, чёрные волосы, один меч - и вперёд, покорять мир? Или «десять шагов - один труп, тысяча ли - и ни следа»?

Цю Лули хотелось сказать «да», но, взглянув на Цю Линьхуая, она не решилась:

- Нет, я ещё слаба. Я только на Золотом Корабле. Чтобы так, как предки, нужно достичь их уровня... Но я сильнее По и восьмого брата!

Все тут же перевели взгляд на Цю Ибо и Цю Хуайли. Тот с улыбкой согласился, а Цю Ибо возмутился:

- Я тоже сильный! Хочешь, докажу?

Цю Линьюй, держа бокал, усмехнулся:

- Иди, развлекай всех фехтованием.

Цю Ибо заворчал:

- Разве я не главный герой сегодня? Почему я ещё и выступать должен?

Но Цю Лули уже стащила его в центр зала. Если честно, она была гением фехтования, уступавшим лишь Вэнь Игуану. Цю Ибо, который три дня ловил рыбу, а два даже не закидывал удочку, хоть и был талантлив, но не мог сравниться с ней. Как говорится: «Человек талантливее тебя ещё и трудолюбивее!» К счастью, сегодня было лишь показательное выступление. В реальном бою на следующий день по Яньцину поползли бы слухи, что Цю Ибо кто-то избил.

Цю Лули выхватила меч Луфэй, украшенный розовыми лепестками. Цю Ибо не отставал – с лёгким звоном Меч Шукуан превратился в журавля и взмыл вверх, облетев зал. Кто-то удивился:

– Так это твоя птица?! Я давно гадал, откуда в доме журавль, который всё время воровал мои семечки! Давно не видел его.

Меч Шукуан презрительно фыркнул.

Цю Ибо и Цю Лули переглянулись и замедлились. Это было именно показательное выступление – важно не мастерство, а зрелищность. Присутствующие видели лишь изящного журавля и рассыпающиеся лепестки – прекрасное зрелище.

Когда все замерли, восхищённые, в зал вошла ещё одна девушка:

– О, я вовремя!

Она взмахнула руками, и в зале появились ручей с лотосами, цветные облака. Гости обнаружили, что сидят то на камнях, то в траве, то на ветвях, и ахнули. Цю Линьей поднял бокал:

– Нинли вернулась?

Это была Цю Нинли.

Она, как и Цю Лули, была яркой красавицей, выглядевшей на шестнадцать-семнадцать лет. Её лицо почти не изменилось с момента отъезда. Третий дядя и тётя с изумлением узнали её и поманили. Цю Нинли поклонилась всем и подбежала к родителям, смеясь:

– Отвечаю предку: я путешествовала в мире смертных и дошла до Чжумина. Я не Великий Юй, чтобы трижды проходить мимо дома, не зайдя!

Все рассмеялись.

Тётя, смеясь, расплакалась и принялась стучать по Цю Нинли:

– Бессердечная! И о доме вспомнила! Только письма присылала... Какая от них польза!

Та моргнула:

– Мама, не плачь, а то косметика потечёт! Посмотри, я теперь могу сойти за вашу внучку!

– Наглость! – отец инстинктивно прикрикнул, но не смог сдержать улыбку. – Не зли мать, а то я тебя не спасу.

Цю Нинли показала жест:

- Папа, не волнуйся, я теперь быстрее мамы - она меня не догонит!

Мать нахмурилась:

- Попробуй убежать!

- Не буду, не буду!.. Ой! Мама, ну ты и правда бьёшь?!

Все смеялись и шутили. Цю Ибо и Цю Лули убрали мечи, рассеяв иллюзии.

Зал наполнился звуками музыки, смехом и разговорами, слившимися в единую радость.

На небе вспыхнули разноцветные огни - сёстры утащили Цю Нинли и Цю Лули запускать фейерверки с помощью Ци, критикуя, что тут некрасиво, там не так, как у лучших мастеров Яньцзина. Бо'Эра и Цю Хуайли братья заставили варить эликсир - им уж очень хотелось посмотреть, как тот взорвётся.

Всё это должно было раздражать Цю Ибо, но странным образом ему было приятно. Он не чувствовал ни капли беспокойства, только желание смотреть, смеяться и говорить вместе с ними.

В его сердце что-то дрогнуло, и он взял кисть, чтобы запечатлеть этот пир.

- Твоя живопись... - Цю Линьхуай, оказавшийся рядом, взглянул и вздохнул. - Ланьхэ, давай ты.

Цю Ланьхэ подошёл, посмотрел и покорно взял кисть - лучше ему.

- Отец? - неохотно отдал кисть Цю Ибо. - Я же Чжуаньюань.

- Ну и что? Разве Чжуаньюань обязан быть мастером живописи и каллиграфии? - Цю Линьхуай усмехнулся. - Ты хорошо сдал эссе. Если бы проверяли живопись, вряд ли бы ты даже сюэцай получил.

Цю Ибо, который обычно рисовал только схемы, а в каллиграфии жил за счёт навыков десятилетней давности («главное, чтобы было понятно»), в сердцах закатил глаза.

Ладно, он не умеет рисовать, зато умеет делать записи!

Он достал своё сверхтехнологичное устройство с «48К титановым голографическим кристаллом» и самодовольно посмотрел на отца.

И тут же кристалл оказался в руках у Цю Линьюя.

Тот осмотрел его и поддразнил:

- Когда успел сделать? Наш девятнадцатый и правда лучше всего освоил кузнечное дело.

- Дядя!

[1] Адоу - намёк на Лю Шаня, слабого и безвольного правителя царства Шу в эпоху Троецарствия, прозванного «Адоу, которого и подпереть нельзя».

<http://bllate.org/book/14686/1310465>